

Сорокина Н. П., Сударев Н. И. 2000: Детские погребения Северного Причерноморья VI–III вв. до н.э. // *STRATUM plus*. 3, 193–204.

Тохтасьев С. Р. 1986: Апатур. История боспорского святилища Афродиты Урании // *ВДИ*. 2, 138–145.

Федосеев Н. Ф. 2011: Производство клейменной черепицы в античном мире и на Боспоре Киммерийском // *ПИФК*. 4, 277–308.

Шауб И. Ю. 2007: Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб.

Яйленко В. П. 1977: Заметки по греческой лексике и ономастике // *История и культура античного мира*. М., 216–224.

Montpéroux, Du Bois de Fr. 1849: Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, Géorgie, Arménie et en Crimée i avec un atlas geographique, pittaresque, acheologique, geologique etc. V. Paris.

ON LOCATING APATURION, KEPOI, AND STRATOKLÉA

N. F. Fedoseyev

The author suggests new localization of the ancient settlement Apaturion that in his opinion was in situ of Kepoi. And one should look for Kepoi at the settlement ‘The Seventh Kilometer’ or ‘Taman 3’. Stratokléa was located on the territory of residential settlement Pimorskoye (5 km south-west of Phanagoria ancient settlement). There is a monument “Primorsky 23” here according to Ya. M. Paramonov’s map. Such localization correlates very accurately with the data of Pliny who mentioned Hermonassa, Kepoi, Stratokléa, Phanagoria, and deserted Apaturion.

Key words: Apaturion, Hermonassa, Kepoi, Stratokléa, Phanagoria, brands, Akhtanizovsky liman, Korokondamit lake

© 2013

В. Л. Строкин

ПЕРИКЛ И БОСПОРСКИЙ «ГОРДИЕВ УЗЕЛ»

Исходя из доминирующего в историографии мнения, что главной задачей Понтийской экспедиции Перикла являлось решение продовольственной проблемы в Аттике, а в афинских источниках IV в. до н.э. понятия «Понт» и «Боспор» синонимичны, автор предлагает такую трактовку сообщения Плутарха об этой экспедиции (Plut. Per. 20): «Прибыв на Боспор с крупным и блестяще снаряженным флотом, (Перикл) выполнил всё, о чем просили (расположенные там) эллинские города... (На обратном пути) он оставил синопейцам 13 кораблей под начальством Ламаха и отряд воинов против тирана Тимесилея...». В соответствии с этим автор предлагает такой маршрут экспедиции Перикла: Афины–Боспор Киммерийский–Синопа–Афины. Предполагается также, что в ответ на эту военно-морскую акцию Афин, проведенную в 437 г., Спарток I совершил переворот в Пантикапее, а затем блокировал Керченский пролив в районе косы Тузла дамбой из затопленных судов.

Ключевые слова: Афины, Перикл, Боспор Киммерийский

Строкин Владимир Леонидович — независимый исследователь. E-mail: strokinroll@mail.ru

Несмотря на весьма основательную изученность чрезвычайно скудных аутентичных данных о предпринятой выдающимся лидером Афин V в. до н.э.¹ Периклом военно-морской экспедиции в Черное море — краткая информация о ней сохранилась лишь у Плутарха (Per. XX), — вернуться к этому сюжету побуждает последняя по времени выхода в свет большая аналитическая статья И. Е. Сурикова (1999); судя по отсутствию критических замечаний², она вполне адекватно отражает взгляды современных исследователей на цели, общий ход и итоги этого предприятия. Однако далеко не со всеми из высказанных историком соображений можно безоговорочно согласиться, о чем, собственно говоря, далее и пойдет речь.

Обзор статьи, пожалуй, имеет смысл начать с конца ее вводной части, и прежде всего обозначить главные пункты итогового заключения: перед экспедицией отнюдь не стояла задача по вовлечению в Архэ черноморских городов — она «была связана с решением хлебной проблемы», поэтому «ее основную цель следует искать на северном берегу Понта»³. Эти тезисы вряд ли нуждаются в комментариях, поскольку в наши дни обрели характер едва ли не общепризнанных фактов⁴, чего нельзя сказать, например, о следующем категорическом заключении: «...уж если Ольвия стала членом Афинского морского союза, то это могло произойти только в связи с понтийской экспедицией Перикла»⁵. При этом И. Е. Суриков ссылается на два ольвийских документа: декрет в честь синопского тирана Тимесилея, свергнутого по приказу Перикла (Plut. Per. XX), и фрагмент Афинского Монетно-метрологического декрета (IG. II. 1453). Не будучи специалистом в области палеографии, не берусь судить о правомерности отнесения этих памятников ко времени анализируемой экспедиции (437/6 гг.)⁶, и все же место для сомнений оставляет по-прежнему неразрешенная проблема датировки Афинского ММД⁷, а также ряд других моментов. Для прояснения ситуации с маршрутом движения флота Перикла представляется целесообразным заново рассмотреть весь комплекс имеющихся данных, тем или иным образом к причастных к этому сюжету: литературных, археологических, нумизматических, географических и природно-климатических. Пожалуй, здесь опять же имеет смысл начать с конца и в первую очередь сказать несколько слов о климатических особенностях черноморского региона.

Известно, что в древности зимней навигации практически не существовало — в Средиземноморье судоходный период длился примерно с середины марта до середины ноября (Veget. De re milit. IV. 39), а в Черном море — и того мень-

¹ Далее все даты указаны до н.э., кроме отдельно оговоренных случаев.

² Автору этих строк известно лишь краткое замечание М. Ф. Высокого: предложенный И. Е. Суриковым маршрут экспедиции — каботажный обход левой части Черного моря и возвращение в Афины морским путем (Суриков 1999, 111–112) — представляется исследователю «весьма убедительным, кроме одного: использования афинянами «короткого пути» из Торика в Амис и, соответственно, полного игнорирования основной части Восточного Причерноморья» (Высокий 2004, 412).

³ Суриков 1999, 104, 112.

⁴ Гайдукевич 1949, 52, 53; Карышковский 1959, 76; Виноградов 1989, 132; Кузнецов 2000, 107–109; Завойкин 2004а, 105.

⁵ Суриков 1999, 110.

⁶ Суриков 1999, 102. Однако, по мнению П. О. Карышковского, ольвийский фрагмент Монетно-метрологического декрета «по характеру букв относится к концу V в. до н.э... и, само собой разумеется, не старше конца 20-х гг.» (Карышковский 1959, 71).

⁷ См.: Стрелков 1999, 34, 35; Строкин 2009а, 153 сл.

ше⁸; достаточно вспомнить о печальной судьбе флотилии Ламаха, уничтоженной штормом у берегов Гераклеи в 424/3 г. (Thuc. IV. 75; Diod. XII. 72. 4; Just. XVI. 3, 9, 10). Отсюда следует, что при планировании экспедиции в Черное море Периклу приходилось считаться не только с его внушительными размерами, но и с суровым нравом, а значит, данный поход, будучи довольно жестко лимитированным во времени, мог задумываться лишь в виде некой локальной акции⁹. В пользу такого заключения может свидетельствовать также то, что «первый гражданин Афин» (со свойственным ему авторитарным стилем руководства — Plut. Per. XV–XVII), вряд ли мог позволить себе надолго покидать пределы родины. Вот и в данном случае он явно стремился поскорее вернуться к домашним делам — ведь недаром же фактически уклонился от личного участия в синопской военной операции (Plut. Per. XX). Всё это ставит под серьезное сомнение саму возможность осуществления афинским флотом каботажного обхода левой части Черного моря (равно как и правой). Более того, при ближайшем рассмотрении выясняется, что названная И. Е. Суриковым Ольвия вряд ли могла привлечь к себе внимание Перикла.

Отмечая катастрофический упадок аграрной хоры города в 470–460-х гг. (вследствие давления скифов¹⁰), В. Д. Кузнецов акцентирует внимание на том, что не только в этот период, но и в V в. вообще экспорт зерновых отсюда «не мог идти ни в какое сравнение с боспорским»¹¹. В справедливости этого тезиса, равно как и в том, что в обозреваемое время Ольвия являла собой своего рода «медвежий угол» убеждает также засилье меди в ее денежном обращении¹² и отсутствие поперечных морских путей в западной части Черного моря¹³. Приведенных сведений, пожалуй, вполне достаточно для уверенного исключения города из маршрута анализируемой экспедиции. Более того, имеются достаточно веские основания утверждать, что не только Ольвия, но и все прочие города западной части Черного моря были вовлечены в Архэ лишь после начала Пелопоннесской войны (когда афиняне уже не гнушались «тащить с миру по нитке»). Думать так заставляет как отсутствие их в хорошо сохранившихся списках фороса Афинского союза за 432/1 г.¹⁴, так и отсутствие в них монетных чеканок вплоть до самого

⁸ Шелов-Коведяев 1985, 43.

⁹ На чем справедливо заострил внимание Брашинский И. Б. (1958, 118).

¹⁰ Как раз во времена Перикла враждебные настроения скифов к Ольвии резко усилились (после насильственной замены Скила Октамасадом — Herod. IV. 78–80).

¹¹ Кузнецов 2000, 108, прим. 3.

¹² Зограф 1951, 121 сл.; Карышковский 1988, 41 сл.; Анохин 1989, 11 сл. Что касается «эминаков», то, независимо от датировки этих редких серебряных монет — начиная примерно с 480 г. и вплоть до 400 г. (см.: Карышковский 1959, 96), — они, будучи «каплей в море» ольвийской меди, заведомо не могли играть сколько-нибудь заметной роли в денежном обращении города (Зограф 1951, 127). Более того, в «эминаках» невозможно усматривать даже неудачную попытку его оздоровления — это полностью исключается фактом выпуска монет лишь одного и притом крупного номинала (дидрахм) при отсутствии мелких фракций серебра. Все это заставляет видеть в «эминаках» некий экстраординарный выпуск, о природе которого можно лишь гадать. Для полноты картины следует упомянуть и о другой «капле» раннего ольвийского серебра: явно эпизодический выпуск двух мелких номиналов (обол и гемиобол) был предпринят около 403 г. (Карышковский 1959, 98) или около 410 г. (Анохин 1989, 104, № 24–25).

¹³ Такой вывод непосредственно вытекает из сообщения Геродота (IV. 86), на что резонно обратил внимание И. Е. Суриков (Суриков 1999, 106).

¹⁴ Как, впрочем, и городов Причерноморья вообще. Несколько забегая вперед, всё же хотелось бы заметить, что отсутствие ряда боспорских и южнопонтийских городов в трибунных списках,

конца V в.¹⁵; последнее является верным признаком неразвитости внешнеторговых связей, обусловленной низким экспортным потенциалом¹⁶. Экстраполируя эти сведения на вышеозначенную главную цель анализируемой экспедиции, мы приходим к необходимости исключить из ее маршрута не только район Нижнего Побужья, но и всё Западное Причерноморье, что в свете единственной из известных нам военных операций афинян в Понте — Синопской — диктует необходимость ограничить сферу их оперативных действий восточной частью черноморского бассейна. Далее следует заострить внимание на ярко выраженном оттенке второстепенности, свойственном этой акции, — Перикл возложил ее проведение на своего помощника Ламаха (Plut. Per. XX). Причем уже один этот факт красноречиво свидетельствует о наличии в восточной части Черного моря некоего иного района, оказавшегося в сфере особого внимания лидера Афин, — ведь Перикл считал необходимым лично повести туда крупную военно-морскую эскадру (в отличие от Синопы, где была задействована лишь небольшая флотилия Ламаха, насчитывавшая 13 кораблей, — Plut. Per. XX).

Отметив этот ключевой момент, уместно вернуться к вышеозначенной главной цели экспедиции и напомнить общеизвестное: в указанной части черноморского бассейна был лишь один регион, сумевший наладить массовое товарное производство зерновых, начиная примерно с последней четверти VI в., — боспорский¹⁷ — гористые малоазийское и кавказское побережья для этого совершенно непригодны. Неудивительно поэтому, что уже в архаическую эпоху на Боспоре возникает регулярное и, что не менее важно, полноценное денежное обращение, основанное на серебре собственного чекана¹⁸. Наряду с этим необходимо отметить еще один принципиально важный момент: в древности серебро (как, впрочем, и иные драгметаллы) в понтийском регионе не добывали¹⁹, что естественным образом ставит все без исключения причерноморские города примерно в равные «стартовые» условия. Это обстоятельство в совокупности со временем возникновения регулярной серебряной чеканки в том или ином из них приобретает значение важнейшего, если не сказать единственного в своем роде индикатора, позво-

составленных до 425/4 г. (Кондратюк 1983, 337), может объясняться дарованным им особым статусом — освобождение от налогового бремени закономерно вытекает из насущной необходимости в обеспечении лояльного отношения местного населения к афинянам, что служило надежным гарантом бесперебойного функционирования транспонтийского хлебного канала.

¹⁵ Лишь около 400 г. здесь первой начала чеканить серебряные монеты Аполлония (Коваленко, Десятчиков 2010а, 32, прим. 11.). Известно также, что в VI–V вв. на всей полосе черноморского побережья, начиная от только что упомянутой Аполлонии Понтийской и вплоть до Керкинитиды, ходили главным образом денежные суррогаты в виде литых бронзовых «стрелок» и «дельфинчиков»; последние, а также литые медные «ассы» концентрируются главным образом в районе Ольвии (Анохин 1989, 5 сл.).

¹⁶ В отличие от ряда боспорских городов, наладивших массовый экспорт зерновых, а также Синопы и Гераклеи — вина, города западной части Черного моря, похоже, так ничем и не отметились в экономической истории Причерноморья раннего времени.

¹⁷ См.: Завойкин 2004б, 61.

¹⁸ Боспорские монеты с «головой льва в фас», традиционно относимые к чеканке Пантикапея, в последнее время датируются концом 530 — началом 520-х гг. (Анохин 1986, 17; Терещенко 2004, 26) или же около 500 г. (Коваленко 2005, 361 сл.; Коваленко, Толстиков 2010б, 23 сл.). Признавая более реалистичной первую из названных датировок, полагаю, однако, что они принадлежат Аполлонии — Фанагории (Строкин 2007, 330 сл.).

¹⁹ Бертье-Делагард 1913, 95.

ляющего выносить достаточно ответственные суждения об уровне развития его экономики и внешнеторговых связей в то или иное время. Причем это положение становится поистине незыблемым ввиду ошибочности традиционных взглядов на цели вышеупомянутого Афинского ММД²⁰.

Глядя с этих позиций на карту Причерноморья, можно констатировать безусловное лидерство по меньшей мере двух боспорских городов, выпускавших серебряные монеты с головой льва в фас (Аполлония) и в профиль (Гермонасса?)²¹ в сочетании с типично архаическим *quadratum incusum*. Около 490/85 гг. начинает бить серебро Синопа²² и, вероятно, около 480 г. — Пантикапей²³, а немногим менее полувека спустя — Нимфей²⁴; в последней четверти V в. появляются первые монеты Гераклеи (ок. 415 г.)²⁵, Феодосии²⁶ и синдов²⁷. Что касается «колхидок», то это анэпиграфное серебро неясного происхождения (Фасис? Колхидское царство?) выпускалось главным образом в IV в.²⁸, что свидетельствует об отсутствии в Колхиде регулярного денежного обращения в V в. и, соответственно, о предельно низком экспортном потенциале региона в обозреваемое время.

Прежде чем подытожить сказанное, хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что имеющиеся в нашем распоряжении аутентичные данные (главным образом нумизматические) позволяют составить хотя и самое общее но, вместе с тем достаточно четкое представление об уровне экономического развития и внешнеторговом потенциале каждого из понтийских городов в интересующее нас время. Этим предоставляется редкая возможность для успешного применения метода исключения, что в конечном итоге позволяет с достаточно высокой степенью надежности определить главные пункты маршрута анализируемой экспедиции.

²⁰ Долгое время считалось, что декрет имел своей главной целью жесткую централизацию эмиссионной деятельности в Архе и предписывал тотальное закрытие монетных дворов союзников (см.: Стрелков 1999, 25 сл.), однако в действительности был направлен на метрологическую унификацию денежного обращения, а также системы мер и весов в Афинском союзе на базе аттического стандарта (Строкин 2009а, 154 сл.).

²¹ В пользу боспорского их происхождения свидетельствует целый ряд обстоятельств: во-первых, весьма значительное число учтенных экземпляров, найденных главным образом на Тамани (см.: Розов 2012, 303); во-вторых, типы оборотной стороны эволюционируют по той же схеме, что и заведомо боспорское серебро с головой льва в фас; и наконец, ввиду логично возникающего вопроса (в противном случае остающегося без вразумительных объяснений): почему на боспорский денежный рынок допускалось серебро лишь одного иноземного центра, к тому же, неизвестного? К сожалению, эта чеканка не дождалась до «эпиграфных времен», безвозвратно исчезнув где-то в I-й четверти V в.

²² См.: Коваленко, Десятчиков 2010а, 32, прим. 11.

²³ Строкин 2007, 348, прим. 1.

²⁴ Около 438/7 гг. (Столба 1989, 49; Мельников 2001, 415; Терещенко 2004, 77) или же около 435 г. (Строкин 2009а, 160).

²⁵ См.: Сапрыкин 1986, 43; SNG 1993, pl. LVIII, № 1566 сл.

²⁶ Шелов 1956, 40. К концу V в. их относил А. Н. Зограф (1951, 169). Думается, что феодосийская чеканка началась около 413 г. (Строкин 2011, 45).

²⁷ Зограф 1951, 169; Шелов 1956, 45. Думается, что синдская чеканка началась около 412 г. (Строкин 2012, 395–397).

²⁸ Хотя «колхидки» датируются V–IV вв. до н.э. (SNG 2000, pl. XXIX, № 633–637), — однако важно заострить внимание на том, что монеты древнейшей группы (от тетрадрахмы до гемидрахмы) представлены либо уникальными, либо единичными экземплярами при фактическом отсутствии разменной мелочи — известен лишь один тетартеморий (Шамба 1982, 8–9). Тогда как основную массу «колхидок» составляют гемидрахмы 2-го типа, выпускавшиеся в конце IV — начале III вв. до н.э. (Шамба 1982, 8–9).

Итак, выбор у ее организаторов был крайне невелик — во всём Причерноморье имелись лишь два потенциально привлекательных места: Синопа и регион Боспора Киммерийского, а с учетом вышеозначенных интересов афинян — и вообще одно, последнее. Если сюда же добавить весьма тонкое наблюдение П. О. Карышковского — опираясь на данное сообщение Плутарха (Per. XX), он пришел к выводу, что в V в. во всём понтийском регионе не было высокоразвитых туземных племен, вождей которых греки могли бы именовать царями, за исключением скифов и синдов²⁹, — то всё это, пожалуй, способно убедить в том, что главной целью анализируемой экспедиции являлся боспорский регион.

Причем избавиться от последних сомнений помогает следующее замечание В. Ф. Гайдукевича: «В снабжении Афин в IV в. до н.э. Боспор играл настолько важную роль в сравнении с прочими причерноморскими греческими колониями, что нередко афинские ораторы в своих речах употребляли термин Понт (Черное море) для обозначения Боспора»³⁰. Здесь важно учесть два обстоятельства: во-первых, совершенно аналогичная торгово-экономическая ситуация наблюдается в Причерноморье и столетием ранее³¹; во-вторых, при работе над биографией Перикла Плутарх, несомненно, пользовался ранними афинскими источниками, причем «круг предлагавшихся «кандидатур» ограничивается крупными историками IV в.»³², а значит, каждый из них наверняка оперировал находившейся тогда на слуху формулой: Понт = Боспор. Это дает достаточно веские основания полагать, что и в анализируемом отрывке (Plut. Per. XX. 1–2) эти понятия также синонимичны и, стало быть, его можно, а скорее даже нужно перефразировать следующим образом (за основу взят перевод П. О. Карышковского, авторские поправки здесь и далее даны курсивом).

«Прибыв на Боспор с крупным и блестяще снаряженным флотом, (Перикл) выполнил всё, о чем просили (расположенные там) эллинские города, и отнесся к ним дружелюбно; живущим же вокруг варварским племенам, их царям и князьям (он) показал, как велико могущество (афинян), смело плывущих куда им вздумается и подчинивших себе всё море. (На обратном пути³³) он оставил синопейцам тринадцать кораблей под начальством Ламаха и воинов против тирана Тимесилея...» При чем в пользу такой трактовки данного отрывка можно привести и другие соображения.

Поистине бесчисленные литературные аналогии, равно как и сама «логика вещей» позволяют ожидать прямого указания на главную цель экспедиции в самом

²⁹ Карышковский 1959, 73.

³⁰ Гайдукевич 1949, 67.

³¹ Кузнецов 2000, 108, 109; Tsetskhladze 2008, 51–58. Одним из первых к такому выводу пришел Э. Майер: «Отношения с боспорским регионом или, как кратко говорили, с “Понтом” имели для Афин большую важность: отсюда покрывалась главная часть их потребности в хлебе. Поэтому Афины утвердились также и здесь; возможно, это осуществил лично Перикл во время своей экспедиции в Понт» (Meuer 1901, 80).

³² Суриков 1999, 100. По мнению Ф. Рюля и И. Е. Сурикова, наиболее вероятным автором excursus о Понтийской экспедиции является Феопомп (Rühl 1868, 664 sq.; Суриков 1999, 100) — будучи уроженцем Хиоса, он долгое время жил и работал в Афинах.

³³ Такое дополнение естественным образом вытекает из контекста самого повествования (даже в традиционной его трактовке): переворот в Синопе был совершен небольшой флотилией Ламаха на обратном пути следования основных сил флота от главной и, само собой разумеется, конечной цели экспедиции (Суриков 1999, 112–113).

начале повествования (дабы сразу ввести читателей в курс дела); вряд ли правомерно видеть в этом качестве водоем (Черное море).

Если следовать буквальному переводу, то мы оказываемся перед необходимостью признать заведомо нереальное: в период одной навигации большая эскадра крупных парусно-весельных кораблей (триер) совершила каботажный обход всего Черного моря³⁴; при этом лидер Афин успел облагодетельствовать население, по меньшей мере, полусотни здешних городов — «Прибыв в Понт... (Перикл) выполнил всё, о чем просили (расположенные там) эллинские города...» (Plut. Per. XX).

Если согласиться с предложенной трактовкой данного отрывка и сопоставить ее с главной целью анализируемой экспедиции, то возникает твердое убеждение в том, что перед нами — заведомо фрагментарное, донельзя выхолощенное и к тому же внутренне противоречивое повествование, имеющее лишь самую отдаленную связь с первоисточником. Создается впечатление, что Плутарх, толком не разобравшись в сути некогда происходивших событий, по-своему их переосмыслил. Этим, в свою очередь, подразумевается одно из двух: либо сам Плутарх неверно истолковал первоисточник, либо некритически воспользовался искаженной, прошедшей, так сказать, через третьи руки информацией³⁵. Причем в любом случае представляется вполне оправданным вынесение следующего заключения.

Плутарх, живший около 45–127 гг. н. э., будучи не историком, а биографом (Plut. Alex. 1), не имел достаточно четких представлений о государственном устройстве северо-восточного края ойкумены в весьма отдаленную от него классическую эпоху, а также о специфических особенностях бытовавшей тогда в Афинах геополитической терминологии — ведь недаром же описываемые им события, по выражению И. Б. Брашинского, «безвременны»³⁶. К тому же, как резонно заметил И. Е. Суриков, «Плутарха абсолютно не интересовала понтийская экспедиция как таковая... Для него важен был лишь его герой — в нашем случае Перикл, и соответственно биограф брал из своего источника только то, что ему было нужно для... топики»³⁷. А вот мнение К. К. Зельина, тщательно исследовавшего биографию другого великого афинянина — Солона: «Плутарх получал сведения в не менее тенденциозном (чем *Аристотель*) освещении и обработке позднейших авторов... В общем из всех глав... видно, что у Плутарха в руках был большой фактический материал..., но что объяснение фактов (или вернее того, что Плутарху представлялось фактами) привнесено позднейшими авторами и самим Плутархом, исходившими из современных им условий, а потому не имеет исторической ценности для эпохи Солон»³⁸.

Поскольку же нечто подобное можно сказать и об анализируемом отрывке,

³⁴ Что, как ни странно, допускают в частности В. А. Анохин (1999, 31) и М. Ф. Высокий (2004, 412–413). При этом не берется в расчет одно немаловажное обстоятельство: военный флот того времени не мог обходиться без ежедневных стоянок, что при отсутствии естественных гаваней во многих местах Черного моря (особенно в восточной его части) создавало весьма значительные трудности (Брашинский 1958, 118, прим. 29).

³⁵ В последнем случае получается, что этот «непритязательный», по мнению С. А. Жебелева (1953, 186), автор чисто механически перенес ее в свое сочинение.

³⁶ Брашинский 1958, 113.

³⁷ Суриков 1999, 99.

³⁸ Зельин 1964, 81.

то несложно заметить, что всё становится на свои места, а «Понтийский рассказ» предстает перед нами в совершенно ином и, как представляется, истинном свете, стоит только допустить, что Плутарх рассматривал информацию полутысячелетней давности о действиях Перикла на Боспоре и в Южном Причерноморье с точки зрения более близких к нему по времени исторических реалий. Будучи, несомненно, осведомленным о длительном существовании могучей Понтийской державы (со столицей в Синопе), по обыкновению именовавшейся «Понт» (куда при Митридате VI Евпаторе входил и Боспор), он (или его информатор) соответствующим образом переосмыслил и отредактировал первоисточник, где словом «Понт» обозначалось совсем другое государство — Боспорское. Ярким отражением этого недоразумения является разительный контраст между присутствующей в тексте синопской конкретикой и предельно лаконичным «резюме» о неких благодеяниях Перикла, оказанных неким другим городам. Иначе говоря, Плутарх, видимо, счел излишним подробно останавливаться на событиях, связанных с действиями Перикла в «удельных», как ему казалось, городах Понтийского царства, сделав основной упор на описании событий вокруг его столицы. Правда, такому пониманию анализируемого отрывка, на первый взгляд, препятствует следующее замечание И. Е. Сурикова³⁹: «Есть полная возможность разобраться, каково конкретное значение термина «Понт» в этом месте у Плутарха... «Eis de ton Ponton eisplesusa» и т.д... Итак, пассаж начинается: «Вплыв же в Понт». Из чего однозначно ясно... такая конструкция может быть применена только к водному бассейну... Вплывть можно в море, в реку, но нельзя вплыть в такое-то государство (если, конечно, не совершать насилия над языком)». Однако историк не учел еще один, кажется, вполне приемлемый вариант: можно вплыть, а вернее сказать, войти не только в море или реку, но и в территориальные воды того или иного приморского государства. Если же допустить, что Плутарх рассматривал Черное море в качестве внутреннего водоема Понтийского царства (каковым оно фактически являлось при Митридате VI Евпаторе), как всё тотчас становится на свои места, и со всей очевидностью выявляется досадное недоразумение, обусловленное тем, что одним и тем же термином «Понт», помимо Черного моря, в разные эпохи обозначались еще и два разных государства — Боспорское⁴⁰ и Понтийское. Возникшая на этой почве путаница достойна сожаления тем большего, что не дошедший до нас первоисточник, скорее всего, содержал конкретную информацию о действиях Перикла на Боспоре. Как бы то ни было, но вышеизложенные соображения не оставляют сомнений, пожалуй, лишь в одном: главной целью анализируемой экспедиции являлся боспорский регион. Если, наконец, учесть справедливое замечание И. Е. Сурикова, что «к моменту падения Тимесилея Перикл был уже в Афинах»⁴¹ (или на подходе к ним), где провел через народное собрание решение об отправке в Синопу шестисот колонистов (Plut. Per. XX), это позволяет наметить главные

³⁹ Изложенное приватно. Выражаю И. Е. Сурикову глубокую признательность за эти и другие пояснения, а также ценные замечания.

⁴⁰ Отсюда следует, что уже источник Плутарха содержал неверные сведения о геополитическом устройстве боспорского региона — как убедительно доказал А. А. Завойкин, «евразийская» держава Спартокидов возникла лишь в конце V в. (Завойкин 1995, 91–92; 2004а, 90–94), т.е. уже после смерти Перикла.

⁴¹ Суриков 1999, 105, 112.

пункты маршрута экспедиции: Афины / Пирей — Боспор Киммерийский — Синоп — Пирей / Афины.

Итак, с определенной долей уверенности можно говорить о том, что, войдя в Черное море, афинский флот повернул на восток и, достигнув мыса Карамбис, пошел наикратчайшим морским путем к южной оконечности Крыма, мысу Бараний лоб⁴², и далее — вдоль юго-восточного побережья полуострова. Намеренно уклоняясь пока от рассуждений о возможных действиях Перикла на Боспоре, следует заострить внимание на том, что обратный путь наверняка был также меридианным, но, скорее всего, проходил по другому маршруту, названному Геродотом (IV. 86): Синдика — Фемискира (рис. 1)⁴³. Такой вывод диктуется тем, что в V в. основная масса боспорского хлеба шла из Тамани и Нижнего Прикубанья⁴⁴, а также тем, что, судя по всему, именно в обозреваемое время Амис был колонизирован афинянами и переименован в Пирей⁴⁵. Поскольку такое же имя носили «морские ворота» Афин, а названный Геродотом маршрут заканчивался близ Амиса, то всё это не оставляет сомнений в том, что именно Амис был главным портовым городом, принимавшим основную массу судов, шедших из боспорского региона⁴⁶. Этим, в свою очередь, подразумевается, что главным пунктом отправки, а возможно, и перевалки таманско-прикубанского хлеба была Синдика — по всем признакам, этот населенный пункт находился на Благовещенском останце у основания Бугазской косы (п. Благовещенская 4)⁴⁷.

Таким образом, общая схема движения торговых судов по транспонтийскому каналу в общих чертах повторяла маршрут экспедиции Перикла (а скорее наоборот⁴⁸): они шли на Боспор наикратчайшим морским путем (Карамбис — Бараний лоб), а возвращались в основном «Геродотовым». Само собой разумеется, что необходимость в обеспечении надежного контроля над обоими морскими путями

⁴² И. Е. Суриков считает такой маршрут небезопасным и мотивирует это тем, что «афинская талассократия еще не распространялась на Черное море» (Суриков 1999, 111). Однако ниже по тексту историк предлагает столь же «небезопасный» маршрут движения Периклового флота при возвращении на родину (113) — на тот момент малоазийское побережье также не было охвачено афинским влиянием. Наконец, здесь возникает противоречие и с сообщением Плутарха (Рег. XX), где прямо сказано, что Перикл продемонстрировал могущество афинян, «смело плывущих, куда им вздумается».

⁴³ И. Е. Суриков предположительно включил в маршрут экспедиции Торик (Суриков 1999, 109–110). Думается, однако, что этот небольшой городок, окруженный горным ландшафтом, заведомо не мог обладать сколько-нибудь существенным экспортным потенциалом, и поэтому вряд ли был способен привлечь к себе внимание Перикла.

⁴⁴ Кузнецов 2000, 110.

⁴⁵ «В настоящее время практически никто не сомневается в том, что упоминания ряда античных авторов (Strabo. XII. 547; Plut. Luc. 19, 7; App. Mithr. 83) о колонизации афинянами Амиса следует связывать именно с этой акцией» (Суриков 1999, 110). Причем уже сам факт отсутствия упоминания об этом событии в анализируемом отрывке (Plut. Рег. XX) вновь возвращает нас к только что высказанной «догадке» — данная информационная лакуна находит вразумительное объяснение, если допустить пожалуй, в том только случае, если Плутарх рассматривал Амис и прочие черноморские полисы в качестве «удельных» городов Понтийского царства.

⁴⁶ «...из Амиса легко было держать под контролем второй краткий морской путь на Синдику» (Суриков 1999, 106).

⁴⁷ Строкин 2008, 439. В данной статье неучтен еще один немаловажный момент, свидетельствующий в пользу такой локализации Геродотовой Синдики: двигаясь от Благовещенского 4 строго на юг, судно приходило в Фемискиру (рис. 1).

⁴⁸ Похоже, этот путь был найден греками задолго до Перикла (Суриков 1999, 106).

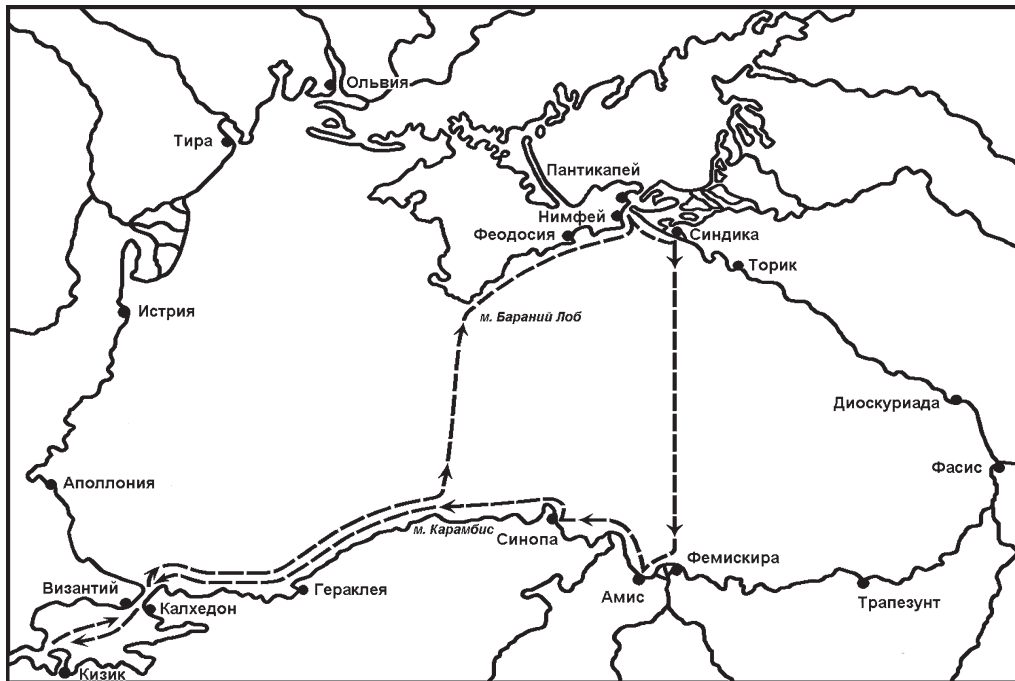

Рис. 1. Реконструкция маршрута экспедиции Перикла.

требовала основательно закрепиться не только в Синопе⁴⁹ и Амисе (которые, надо думать, именно в этих целях были колонизированы афинянами), но и в боспорском регионе⁵⁰. Поэтому, наряду с Нимфеем, пожалуй, следует назвать вышеупомянутую Синдику, а также, как минимум, Феодосию (см. ниже). Той же насущной потребностью в организации безопасных условий для движения транспортов с зерном на длинной полосе малоазийского побережья подразумевается едва ли не тотальное вовлечение Периклом в Архэ находившихся здесь городов, включая Гераклею⁵¹. Остается заметить, что на обратном пути лидер Афин имел возможность лично оценить сложившуюся в Синопе обстановку и передать Ламаху силы, необходимые для свержения тирании Тимесилея.

Теперь обратимся к предложенной И. Е. Суриковым реконструкции общего плана действий афинян в отношении Боспора. По мнению историка, Перикл отправился туда с тем, чтобы «во-первых, разведать, какого рода власть уста-

⁴⁹ Откуда было удобно держать под контролем мыс Карамбис (Суриков 1999, 105).

⁵⁰ По мнению Е. А. Молева, «...закрепив контроль за Геллеспонтном и Боспором Фракийским, Афины тем самым уже ставили в подчиненное положение все полисы Понта» (Молев 1997, 57). Думается, однако, что этого было явно недостаточно для гарантированного попадания боспорского хлеба в Афины — ведь дефицит продовольствия ощущался и в понтийском регионе. Об этом можно судить хотя бы по Херсонесу — типично аграрной колонии Гераклеи, — а также по словам Полибия (IV. 38. 5), что хлеб иногда привозится из припонтийских областей, а иногда туда ввозится. Наконец, о стремлении афинян установить контроль над главными торговыми путями в Черном море красноречиво свидетельствует сам факт отправки туда крупной эскадры, а также предпринятая ими колонизация ряда понтийских городов (как минимум, Синопы и Амиса).

⁵¹ Где в это время существовал олигархический режим (Сапрыкин 1986, 27 сл.).

новились в Пантикапее, насколько она намерена поддерживать дружественные отношения с Афинами; во-вторых, устроить демонстрацию силы перед новым боспорским правителем с целью предостеречь его от потенциальных антиафинских демаршей; в-третьих, заручиться по возможности гарантиями стабильности, установив, например, афинский контроль над какими-то пунктами на подступах к Боспору»⁵². Подводя итоги, И. Е. Суриков признает экспедицию успешной и полагает в частности, что «Перикл заручился гарантиями дружественных отношений со Спартокидами»⁵³.

Данная концепция представляется несостоятельной, а первый пункт способен вызывать лишь недоумение. Даже как-то неловко оттого, что приходится разъяснять вещи, находящиеся на уровне прописных истин. Так вот, вся общечеловеческая практика однозначно свидетельствует о том, что крупные подразделения армии и военно-морского флота (как в данном случае) совершенно непригодны для использования в разведывательных целях, и во все времена создавались исключительно для ведения боевых действий. Тогда как шпионаж — удел тайной агентуры; ближайший пример дают посол Архибиад и кифаред Аристоник, направленные в Пантикапей родосским стратегом Мемноном (Polyaen. V. 44). И уж поистине ирреальной выглядит ситуация, при которой глава некоего государства вознамерился бы лично осуществлять какие бы то ни было функции своих подчиненных. Причем это заведомо исключено в отношении Перикла — как верно заметил сам же И. Е. Суриков, «афинский “олимпиец”, сознавая свой реальный вес в политической жизни родного полиса, никогда не разменивался на “мелочи”, предпочитая решать все проблемы, не относящиеся к числу особенно значительных, чужими руками»⁵⁴. Возвращаясь к существу данного вопроса, уместно обратить внимание на то, что, судя по довольно широко представленной на Боспоре аттической керамике VI — первой половины V вв., афинские купцы более или менее регулярно посещали эти места задолго до Перикла, и, само собой разумеется, в Афинах испокон веку были прекрасно осведомлены о здешнем состоянии дел.

Что касается демонстрации силы, то, по Плутарху (Рег. XX), Перикл устроил ее перед местными «варварскими племенами» (а не перед Спартоком, как у И. Е. Сурикова). И это вполне закономерно, поскольку бряцать оружием перед пантикапейским режимом было бы совершенно излишне — на Боспоре и без того были прекрасно осведомлены о недюжинных силах Афинской державы (находившейся тогда как раз на пике своего могущества), причем та их наглядно продемонстрировала буквально накануне Периклового похода в Понт, наголову разгромив такого опаснейшего противника, как Самос, и силой принудив к покорности Византий, а также ряд городов Геллеспонта и Карии⁵⁵.

⁵² Суриков 1999, 107.

⁵³ Суриков 1999, 113. Аналогичное мнение высказали в частности Т. Н. Смекалова и Ю. Л. Дюков: «Отношения Перикла с Боспорскими правителями, вероятно, строились на дружественной основе. Вряд ли можно предполагать, что Перикл стремился к политическому подчинению северопричерноморских городов и включению их в Афинский морской союз. Для Афин, готовящихся к войне со Спартой, чрезвычайно важным было обеспечение экономического влияния в боспорских городах, главных поставщиках зерна» (Смекалова, Дюков 1999, 208).

⁵⁴ Суриков 1999, 101.

⁵⁵ Брашинский 1958, 113; Карышковский 1959, 79, прим. 122; Анохин 1999, 26–28.

Несложно заметить, что в активе анализируемой концепции остался последний тезис — об установлении афинского контроля «над какими-то пунктами на подступах к Боспору», — как, впрочем, и то, что он еще более контрастно оттеняет явную несоразмерность между этим «сухим остатком» и затраченными на экспедицию весьма значительными средствами — ведь почти на самый край греческой ойкумены была отправлена крупная и прекрасно снаряженная эскадра⁵⁶. Более того, даже если слепо принять на веру эти теоретические построения И. Е. Сурикова, то мы оказываемся перед совершенно парадоксальным «фактом»: Перикл считал необходимым лично повести «за три моря» армаду военных кораблей, в сущности, только для того, чтобы создать ряд опорных пунктов на подступах к Боспору и наладить дружественные отношения с Пантикапеем. Едва ли, однако же, можно всерьез погрешить против истины, если сказать, что с решением этих, вобщем-то, не столь уж сложных задач (включая декларируемую И. Е. Суриковым разведку) смог бы успешно справиться тот же Ламах — достаточно было наделить его полномочиями официального посла Афинского государства и придать силы, сопоставимые с теми, что были задействованы в Синопе. То есть пойти примерно тем же путем, который прошел другой выдающийся деятель античности: «Александр (Великий) отправил (к скифскому царю) кое-кого из своих друзей под предлогом заключения дружбы; настоящая же цель этого посольства состояла в том, чтобы познакомиться с природой Скифии и узнать, велико ли ее население, каковы его обычаи и с каким вооружением выходят скифы на войну» (Агг. Anab. 4. 1–2). Причем залогом успешной деятельности Ламаха на этом поприще может служить доверенное ему Периклом заведомо более сложное задание в Синопе (по свержению тирании Тимесилея), с которым тот блестяще справился. Кстати, в годы Пелопоннесской войны Ламах, будучи уже одним из самых выдающихся афинских стратегов, занимал важнейшие военные и, что характерно, дипломатические посты (Plut. Nic. 15; Alc. 18, 21; Aristoph. Ran. 1039; Thesm. 841; Acharn. 595 сл.; Thuc. VI. 8. 2). Таким образом, если следовать по пути, указанном И. Е. Суриковым, мы оказываемся в весьма затруднительном положении: приходится «уличить» Перикла в пустой растрате казенных средств в особо крупных размерах. Но уж кого-кого, а такого выдающегося и, разумеется, в высшей степени ответственного государственного деятеля просто невозможно заподозрить в столь неимоверном расточительстве (да и сограждане ему бы этого не позволили).

И без того шаткое, как видим, положение анализируемой концепции лишь усугубляется тем, что ее автор пребывал тогда в плену традиционных представлений — о существовании во времена Перикла единого Боспорского государства Спартокидов. Поскольку ошибочность этих воззрений теперь, похоже, признает и

⁵⁶ К сожалению, о размерах сил, привлеченных Периклом к операциям в Черном море, можно судить лишь по употребленному Плутархом весьма неопределенному термину *μεγάλοι*, т.е. большой, крупный. Хотя исследователями назывались самые разные цифры — от 50 (ATL III 1950, 116) до 215 военных кораблей (Брашинский 1958, 113, прим. 13), — но в любом случае ясно, что речь идет о мощной эскадре и, соответственно, о мероприятии весьма «дорогостоящем» (Завойкин 2004а, 105). Для сравнения: к военным операциям против Самоса (расположенного примерно в 6 раз ближе к Афинам, чем Боспор Киммерийский) Перикл привлек 150 своих кораблей и корабли с Хиоса и Лесбоса (25 — в первый год и 30 — во второй), а вся самосская кампания обошлась Афинам в огромную сумму: не менее 1200 талантов серебра (см.: Кондратюк 1983, 333, прим. 42), т.е. равную тогда размеру дани всех афинских союзников за два года (Thuc. II. 13. 3).

сам И. Е. Суриков⁵⁷, поэтому для верной оценки анализируемой ситуации следует исходить из того твердо установленного факта, что Периклу пришлось иметь дело на Боспоре не только, а точнее даже не столько с Пантикапеем, сколько с целым рядом больших и малых полисов. Судя же по тому, что основная масса зерновых экспортировалась тогда из таманско-прикубанского региона (см. выше), а здесь существовал лишь один эмиссионный центр, выпускавший монеты с легендой АПОΛ⁵⁸, можно с уверенностью говорить о том, что именно Аполлония — Фанагория⁵⁹ держала в своих руках главные ключи от боспорской хлебной торговли и, соответственно, Пантикапей мог интересовать Перикла, по большому счету, лишь постольку, поскольку из него было удобно держать под контролем судоходство в Керченском проливе и вход в Таманский залив.

В качестве последнего замечания в адрес анализируемой концепции хотелось бы указать на то, что фактически декларируемое И. Е. Суриковым проведение Периклом в Понте политики «двойных стандартов» в отношении здешних авторитарных режимов (Тимесилея в Синопе и Спартока в Пантикапее) противоречит другому его же утверждению: «Анализ внешней политики Перикла приводит к выводу, что *ceteris paribus* лидер афинского полиса придерживался аналогичного экспансионистского курса на всех направлениях»⁶⁰. Причем можно попытаться показать, что разбираемый случай не является здесь исключением, и Перикл вряд ли горел желанием сесть за «стол переговоров» с местными властями (включая пантикапейского тирана).

В первую очередь следует заострить внимание на том немаловажном моменте, что Перикл мог позволить себе надолго отлучаться из Афин лишь по делам первостепенной государственной важности. И уж коль скоро не решился доверить проведение похода в Понт кому бы то ни было, значит, на повестке дня стояло решение заведомо более сложных и ответственных задач, нежели тех, что обозначил И. Е. Суриков. Для прояснения их сути необходимо хотя бы в самых общих чертах обрисовать подоплеку анализируемой экспедиции, ее геополитический и экономический контексты — благо этот круг вопросов уже весьма основательно исследован⁶¹.

Общеизвестно, что продовольственная проблема в Аттике — стране с преимущественно горным ландшафтом⁶² — издревле была одной из самых актуальных, а в обозреваемое время являлась предметом особой озабоченности централь-

⁵⁷ Недавно историк пришел к выводу, что «предположение о фанагорийской атрибуции монет с легендой АПОΛ заставляет отнестись к себе с полной серьезностью» (Суриков 2012, 466). Причем уже сам факт существования монетной чеканки в том или ином боспорском городе в рассматриваемое время является верным признаком его независимости (Васильев 1992, 127; Завойкин 2004а, 96).

⁵⁸ Ориентировочно с конца второй четверти и вплоть до начала последней четверти V в. (Шелов 1956, 28), а на мой взгляд, примерно до 412 г. (Строкин 2007, 355–356).

⁵⁹ По мнению И. Е. Сурикова, «Аполлония Фанагория» (Суриков 2012, 466).

⁶⁰ Суриков 1999, 99.

⁶¹ Карышковский 1959, 76; Суриков 1999, 102–105.

⁶² Лишь максимум 25–30% территории Аттики (насчитывавшей примерно 2500 кв. км) было пригодно для использования в сельскохозяйственных целях. Причем основную массу посевных площадей занимал ячмень (который, как известно, был у греков главной пищей — Sarpaki 1992, 61). Так, в 329 г. его было собрано 360 тыс. медимнов и только 40 тыс. — пшеницы (Андреев В. Н. 1983, 253–254). Кстати сказать, хлеб из пшеничной муки был тогда доступен лишь людям весьма состоятельным (Rosivach 2000, 59).

ных властей и одним из важнейших аспектов внешнеполитической деятельности Перикла; отсюда и повышенный интерес афинян к регионам, располагавшим значительными хлебными ресурсами. С начала 450-х гг. они безуспешно пытались овладеть дельтой Нила; столь же тщетными оказались и предпринятые ими в следующем десятилетии попытки закрепиться на плодородных землях Южной Италии и Сицилии. Само собой разумеется, что после этих неудач афиняне обратились к третьему из существовавших тогда крупных поставщиков зерна — боспорскому региону. Здесь необходимо обозначить следующий немаловажный момент: готовясь к Понтийской экспедиции, Перикл имел возможность воочию убедиться в малоэффективности чисто дипломатической стратегии действий на данном направлении — уже в бытность его главой государства афиняне пытались закрепиться на великогреческом хлебном рынке главным образом посредством заключения двусторонних союзных договоров с рядом местных полисов, а также с племенем мессапиев, — что естественным образом подталкивало лидера Афин к избранию иных, очевидно, более решительных мер в отношении боспорских городов. Причем к действиям здесь с позиции силы в немалой степени способствовал и целый ряд других обстоятельств.

Даже самый беглый взгляд на геополитическую ситуацию в Средиземноморье и Причерноморье позволяет понять, что последнее являло собой единственный крупный регион восточной части греческой ойкумены, не входивший в сферу активного влияния главных военно-политических противников Афин — Персии и Спарты. Из приведенных И. Е. Суриковым сведений о Калиевом мире (449 г.) следует в частности то, что персидские суда не имели права заходить в Черное море, причем Ахемениды фактически не контролировали даже его малоазийское побережье⁶³. Что касается Спарты, то весьма показательным уже то, что это — одно из немногих крупных греческих государств, которое едва ли не полностью самоустранилось от участия в общегреческом колонизационном движении⁶⁴, и уж, во всяком случае, в Причерноморье своих колоний не имело — неудивительно поэтому и отсутствие информации даже об эпизодических появлениях здесь спартанского флота. Таким образом, выясняется, что, решаясь ввести в Понт крупные силы, Перикл практически ничем не рисковал и мог действовать в любом его уголке сколь угодно жестко без боязни вызвать гнев и ответные меры со стороны означенных противников. Проще говоря, у афинян были полностью развязаны руки для самых решительных действий в понтийском регионе вообще и на Боспоре в частности. В соответствии с этим, высказанные в свое время И. Б. Брашинским соображения (во многом перекликающиеся с позицией И. Е. Сурикова⁶⁵), что-де

⁶³ Суриков 1999, 104–105.

⁶⁴ Ибо предпочло решать проблему переизбытка собственного населения главным образом за счет своих ближайших соседей — мессенцев (см.: Андреев Ю. В. 1983, 201).

⁶⁵ Который здесь также неукоснительно следует «духу и букве» данного сообщения Плутарха. А между тем, слова древнего автора о проявленном Периклом дружелюбии по отношению к понтийским городам вряд ли следует воспринимать столь прямолинейно и однозначно. Не исключено, что на деле они могут оказаться не только весьма далеки от истины, но и полной своей противоположностью, а именно: тщательно завуалированной формой агрессии. К примеру, в той же Синопе, наряду со сторонниками режима Тимесилея, наверняка существовали и его ярые противники, и уже по этой простой причине совершенный в городе по приказу Перикла военный переворот мог преподноситься той или иной стороной конфликта и как вопиющий акт внешней агрессии, и как благодеяние, совершенное по просьбе местных демократически настроенных сил. Кстати, подобная аберрация —

попытка «захватов в Северном Причерноморье являлась бы авантюрой, противоречащей трезвой и осмотрительной политике Перикла»⁶⁶, следует признать совершенно беспочвенными. Кстати, здесь есть и другой «глобальный» военно-политический аспект.

Существовавшая тогда весьма напряженная обстановка на Балканах то и дело грозила перерасти в грандиозный военный конфликт с мощным Пелопоннесским союзом (что, собственно, и произошло в 431 г.). Следовательно, уже сама атмосфера неумолимо надвигающейся большой войны выводила проблему обеспечения продовольственной безопасности Аттики в ранг первоочередных задач государства, требовавших немедленного разрешения. Поэтому принятое на этом фоне Периклом решение об отправке в Понт крупной военно-морской эскадры выглядит не только вполне оправданным, но и глубоко закономерным, а главное — с предельной ясностью обозначает значительный масштаб намеченных там действий, а также готовность афинян к применению силы ради достижения поставленных целей. Кстати, последний тезис хорошо согласуется с наблюдениями П. О. Карышковского, сделанными на основании тщательного изучения жизнеописания Перикла: Плутарх относил Понтийскую экспедицию к числу трех его наиболее выдающихся внешнеполитических акций, поставив в один ряд с военно-морскими походами вокруг Пелопоннеса (в 453 г.) и на Херсонес Фракийский (в 447 г.), причем обе последние акции сопровождались ведением боевых действий (Plut. Per. XIX. 1–4). Кроме того, Плутарх (Per. XX. 3 — XXII. 1) отчетливо противопоставляет решительные действия Перикла во всех трех названных регионах и проявленную им сдержанность по отношению к Египту и Сицилии⁶⁷. Эти наблюдения не оставляют сомнений в том, что в Черном море лидер Афин действовал, во всяком случае, не менее решительно.

В свете сказанного приобретает зримые очертания и общий круг задач, стоявший перед экспедицией. Надлежало обеспечить широкий и притом стабильный доступ к хлебным богатствам боспорского региона, а также создать надежный транспортный канал для осуществления поставок продовольствия в Аттику; последнее, как уже говорилось, потребовало организации длинного ряда опорных пунктов на малоазийском побережье Черного моря, в черноморских проливах и на севере Эгеиды, что, как мы знаем, было успешно реализовано Периклом на

один из самых излюбленных пропагандистских приемов, свойственных в том числе и для проафинской литературной традиции (к которой, как известно, принадлежит Плутарх). Весьма показателен в этом плане эпизод с введением налогообложения при организации Архэ в 478 г. Согласно Фукидиду (I. 19), афиняне «заставили союзников (кроме хиосцев и лесбосцев) выдать корабли и наложили на всех денежную подать». Так вот, эту самую подать, фактически навязанную союзникам Аристидом, Плутарх преподносит уже как исключительно добровольные их пожертвования (Plut. Arist. XXIV).

⁶⁶ Брашинский 1958, 117. При этом исследователь ссылается на то, что Перикл был последовательным противником продолжения силовых действий в Египте и не одобрял попыток сограждан завладеть Сицилией (Plut. Per. XX. 3 — XXII. 1). Но такая «пацифистская» позиция лидера Афин вполне понятна и легко объясняется тем, что в первом случае афиняне вмешивались во внутренние дела могущественной Персидской державы (под юрисдикцию которой Египет перешел после заключения Каллиева мира), а во втором — провоцировали военный конфликт с мощным Пелопоннесским союзом.

⁶⁷ Карышковский 1959, 74–75.

практике⁶⁸. Что же касается боспорского региона, то стремление лидера Афин добиться здесь максимум возможного выглядит совершенно естественным и логичным. Само собой разумеется также то, что Перикл никоим образом не мог более мириться со свободным доступом на боспорский рынок всевозможных конкурентов (как из Эгеиды, так и из Причерноморья) — лишь монопольное обладание здешними хлебными ресурсами позволяло Афинам «разом убить двух зайцев»: окончательно снять собственную продовольственную проблему⁶⁹ и заполучить в свои руки один из мощнейших рычагов давления на союзников (в среде которых, как известно, уже тогда набирали силу центробежные тенденции) — возможность поощрять хлебными подачками одних и обрекать на существование впроголодь других. Взять хотя бы афинский декрет 426 г. (CIA. I. 40) о даровании Мефоне привилегий при вывозе зерна (надо думать, боспорского) из Византии, или же наложенные афинянами на Мегару в 432 г. жесткие внешнеторговые санкции, которые, по словам Аристофана (Рах. 483), довели ее жителей до голода (ср.: Thuc. I. 67. 3). Кстати, уже давно высказано небезосновательное мнение, что в Архе существовала монополия Афин на хлебную торговлю⁷⁰.

Всё это недвусмысленно свидетельствует о том, что именно боспорский регион, занимая ключевое положение в общей схеме тщательно обустроенного Периклом грандиозного боспоро-афинского транспортного канала, являлся объектом его самого пристального внимания — лидер Афин, конечно же, не мог не осознавать, что оттого, насколько прочными окажутся здесь позиции афинян, зависело само существование этой жизненно важной для них артерии. А между тем, как раз таким резким ослаблением этого ведущего звена и явился бы декларируемый И. Е. Суриковым переговорный процесс с местными властями — наглядное тому подтверждение дает как вышеупомянутый великогреческий печальный опыт, так и следующие соображения.

⁶⁸ Именно в обозреваемое время афиняне силой вернули в Архэ Византий и ряд городов Геллеспонта (Thuc. I. 117. 3; IG. I. 943), а также основали Амфиполь и колонизировали Астак (см. Карышковский 1959, 80). «Заметим, что... (Понтийская) экспедиция была тесно связана со стратегическими планами Перикла; решаясь предоставить сельскую Аттику вражеским нашествиям, Перикл должен был обеспечить доставку хлеба в Афины... И если «длинные стены» надежно защищали город... то требовались гарантии и в том, что хлеб будет в достаточном количестве поступать в пирейскую гавань. Установление особых «геллеспонтофилаков» в проливах, соединяющих Эгейское море с Черным, и вменение им в обязанность пропускать хлеб только в Афины и лишь в отдельных случаях — на территорию некоторых союзных городов (ATL I, D-3 — D-6; II, p. 48–49; III, p. 133 sq.), наглядно показывает, откуда афиняне рассчитывали получать зерно... но если роль Понта была столь велика, то вовлечение некоторых припонтийских городов в состав Афинского союза было не прихотью Перикла, а одним из существенных звеньев афинской политики» тех лет (Карышковский 1959, 80, прим. 128).

⁶⁹ Разумеется, экспортный потенциал боспорского региона был далеко не безграничным, и потребности афинян в хлебе отчасти покрывались за счет его ввоза из целого ряда районов островной и материковой Греции (см.: Андреев 1983, 256–258). Вместе с тем, приведенные В. Д. Кузнецовым цифры (5000–30000 т.) ежегодно вывозившегося из боспорского региона зерна (Кузнецов 2000, 114–115) представляются несколько заниженными (особенно первая), поскольку за рамками данного исследования остался товарный хлеб, поставлявшийся меотскими племенами Прикубанья — о весьма значительных его объемах позволяет судить уже сам факт наличия греческого импорта V–III вв. на весьма многочисленных (около 200) меотских поселениях (Брашинский 1984, 183–184; Каменецкий 1999, 234; Малышев 2000, 104 сл.). Более того, существует небезосновательное мнение, что «закат боспорской хлебной торговли мог быть во многом связан с резким сокращением меотского зернового экспорта» (Улитин 2011, 286).

⁷⁰ См.: Кондратьев 1983, 358.

Наряду с объективной заинтересованностью афинян в неограниченном доступе к хлебным богатствам боспорского региона, нельзя недооценивать их естественное стремление в получении сельскохозяйственного сырья по предельно низким ценам⁷¹. Тогда как здешние полисы, напротив, были кровно заинтересованы в поддержании режима свободной торговли и конкуренции, поскольку это обеспечивало сохранение максимально высокого уровня цен на их товары. Излишне доказывать, что устранить эти антагонистические по своей сути противоречия афиняне могли лишь одним путем: насаждением своих порядков в самих боспорских городах. Причем именно таким сугубо экспансионистским намерениям афинян в отношении местных автономных центров как нельзя лучше соответствуют и предпринятые Периклом меры.

Во-первых, он считал необходимым отправить в регион крупные военно-морские силы, а главное принял на себя их командование — представляется совершенно очевидным, что, проникшись величайшей ответственностью за исход предстоящих на далеком Боспоре серьезных войсковых операций, Перикл не рискнул доверить их проведение кому бы то ни было (как и при подавлении опаснейшего самосского восстания).

Во-вторых, яркие примеры экспансионистских действий были продемонстрированы Периклом в Южном Причерноморье — в Синопе по его приказу был совершен военный переворот, а Амис был отобран у неизвестного ближе каппадокийского князька (Strabo XII. 3. 14), причем оба города подверглись колонизации, а последний был переименован в Пирей контингентом афинских переселенцев под предводительством Атенокла (там же).

Наконец, имеются достаточно веские основания полагать, что именно «амисскую» колонизационную модель афиняне применили в боспорском регионе. Представляется далеко неслучайным демонстрируемый монетами сразу двух восточно-крымских городов своего рода «парад легенд»: ΘΕΟΔΕΟΣ — ΘΕΟΔΟΣ и ΝΥΝ — ΣΑΜΜΑ. Хотя исследователи по-разному объясняют смену легенды на монетах Нимфея, однако наиболее взвешенным и реалистичным выглядит мнение И. Е. Сурикова, согласно которому город получил новое название при афинянах⁷². Причем, похоже, то же самое можно сказать и в отношении Феодосии⁷³. Иначе говоря, комплексный анализ источников позволяет склоняться к выводу, что за легендами ΘΕΟΔΕΟΣ и ΣΑΜΜΑ скрываются новые названия — Феодия и Саммас⁷⁴, — присвоенные афинскими колонистами соответственно Феодосии и Нимфею. Кстати, применительно к Нимфею этот вывод существенно укрепляется тем совершенно бесспорным фактом, что город тем или иным образом был вовлечен в Архэ⁷⁵; видимо, та же участь постигла и восточно-крымский Киммерик⁷⁶. Нако-

⁷¹ На последнем заострил внимание в частности П. О. Карышковский (1959, 81).

⁷² Суриков 2000, 7. Однако с той существенной поправкой, что Нимфеем именовался изначально (Строкин 2009б, 362–363).

⁷³ Строкин 2011, 48–50. Как известно, город располагал не только удобной гаванью (Demosth. Adv. Lept. XXXIII; Strabo. VII. 4. 4) и плодородными землями (Strabo VII. 4. 4), но и весьма обширной сельскохозяйственной хорой уже в V в. (Гаврилов 1998, 110 сл.).

⁷⁴ Обоснование такой трактовки обоих топонимов приводится в статье, готовящейся к публикации.

⁷⁵ Шелов-Коведяев 1985, 90 сл.

⁷⁶ См.: Шелов-Коведяев 1985, 91. Однако А. А. Завойкин склонен считать, что в списках фороса значится таманский Киммерик / Киммериды (Завойкин 1998, 143).

нец, представляется более чем вероятной колонизация афинянами единственного причерноморского города в обильной хлебом Синдике — думается, именно пред-Горгиппия была переименована ими в Стратоклею⁷⁷. Так или иначе, но в данной ситуации, по-существу, не остается места для серьезных сомнений в том, что и в отношении прочих боспорских городов Перикл намеревался действовать по той же хорошо отработанной схеме. К слову сказать, именно при Перикле практика выведения афинских колоний приобрела особенно широкий размах (Plut. Per. XI)⁷⁸.

Всё это ясно дает понять, что для успешной реализации своих грандиозных планов Периклу необходимо было задействовать едва ли не весь арсенал имевшихся тогда у Афин сил и средств, а применение мер преимущественно силового характера в отношении не вовлеченных на тот момент в Архэ полисов — Боспора Киммерийского и Южного Причерноморья — не только напрашивалось в тех сложнейших условиях, но и, как показало дальнейшее развитие событий, явилось шагом весьма дальновидным. Об исключительно высокой зависимости Афин от ввоза продовольствия из боспорского региона в годы Пелопоннесской войны позволяет судить уже тот факт, что скорый ее конец был во многом предreshen после того, как спартамцам удалось «нащупать» у противника эту ахиллесову пятю. Так, царь «Агис, наблюдая из Дикелеи⁷⁹ прибытие в Пирей множества судов с хлебом, заявил, что нет никакого проку в том, что его войско столько времени подряд не дает афинянам собирать урожай, если только не удастся завладеть тем пунктом, через который к ним приходит хлеб по морю» (Xenoph. Hell. II. 1. 35). Понятно, что под этим «пунктом» скрываются именно черноморские проливы — ведь недаром же, начиная с 411 г. и до конца войны (404 г.), основной театр военных действий переместился именно в этот район. И стоило только Лисандру прочно овладеть северным морским путем (после произошедшей в 405 г. битвы при Эгоспотамах), как падение Афин не заставило себя долго ждать.

Наконец, сам уровень развития греческой цивилизации на Боспоре при Перикле был таков, что фактически провоцировал афинян к тому, чтобы сделать основной упор на жесткое силовое давление. В отличие от тех же великогреческих полисов, прошедших длительный путь развития, даже крупнейшие боспорские — Пантикапей и Аполлония — лишь незадолго до анализируемой экспедиции преодолели соответственно полуторавековой и вековой рубеж своего существования и по своему военному потенциалу не могли идти с ними ни в какое сравнение. В довершение ко всему они были значительно ослаблены пережитым во второй четверти V в. «смутным временем»⁸⁰ — о поистине катастрофических последствиях происходивших здесь событий можно судить хотя бы по тому факту, что в Пан-

⁷⁷ Строкин 2008, 437 сл.

⁷⁸ Говоря о колонизационных мероприятиях Перикла, Плутарх (Per. XI. 6) замечает, что он «руководствовался желанием... держать союзников под страхом и наблюдением, дабы предотвратить их попытки к восстанию поселением возле них афинских граждан». Ввиду представляющей несомненной колонизационной деятельности афинян на Боспоре это замечание особенно ценно для нас тем, что фактически подтверждает агрессивный характер действий Перикла в регионе — ведь хорошо известно, что афинские колонии выводились на земли, конфискованные у их прежних владельцев — лиц, как правило, знатных, богатых и влиятельных (см.: Паршиков 1969, 8–19).

⁷⁹ Это местечко в центре Аттики спартамцы сделали своей главной опорной базой в годы так называемой Дикелейской войны (413–404 гг.) (Андреев 1983, 304).

⁸⁰ Завойкин 2004б, 61.

тикапее, вслед за масштабными разрушениями, происходит возврат к земляночному домостроительству; урбанистические черты город вновь обрел лишь около середины V в.⁸¹ Думается, что последнее обстоятельство было способно вселить в афинян полную уверенность в том, что даже крупнейшие боспорские города окажутся для них сравнительно легкой добычей.

Итак, как видим, все перечисленные факторы, действуя строго в одном направлении, неизбежно подводят нас к следующему итоговому заключению (делая его фактически безальтернативным). В сложившейся в обозреваемое время весьма тревожной обстановке на Балканах, усугублявшейся постоянно растущим напряжением в самом Афинском союзе, Периклу, по сути дела, ничего иного не оставалось, как идти на Боспоре ва-банк. И поэтому нет ни малейших сомнений в том, что лидер Афин был преисполнен решимости обрушить всю мощь ведомых им сил на любого из здешних потенциальных противников (что, собственно, и было продемонстрировано чуть позже в Синопе даже малой их толикой). Иначе говоря, занесенный над Боспором мощный военный кулак со всей определенностью обозначает твердые намерения Перикла прибрать к рукам главных экспортеров сельхозпродукции в регионе и, что не менее важно, перспективу ожидавшегося здесь жесткого вооруженного противостояния. Кстати, последнее обстоятельство высвечивает прелюбопытную деталь: в большинстве боспорских полисов у власти находились неугодные афинянам режимы (скорее всего, авторитарные), которые они намеревались свергать.

Здесь уместно привести мнение Е. А. Молева — оно тем ценнее, что исследователь весьма скептически относится к самой возможности пребывания афинского флота у северных берегов Черного моря (ибо исходит «от противного»): «Деятельность Перикла в Гераклее (*sic!*)⁸² и Синопе показывает, что он не ограничился бы столь скромными результатами, имея полную возможность получить большее — включить в состав союза все города Боспора Киммерийского, в том числе и государство Спартокидов»⁸³. В самом деле, как показал синопский эпизод, для установления афинского контроля над одним из крупнейших понтийских городов оказалось достаточно даже небольшой флотилии Ламаха (13 кораблей), а для усмирения мятежной Гераклеи в 424/3 г. была отправлена флотилия того же Ламаха, состоявшая из 10-и триер (Thuc. IV. 75; Diod. XII. 72. 4; Justin. XVI. 3). Причем едва ли можно ошибиться в том, что по своему военному потенциалу крупнейшие боспорские города (Пантикапей и Аполлония) вряд ли существенно превосходили Синопу и Гераклею Понтийскую.

⁸¹ Толстиков, Коваленко 2010б, 46–48.

⁸² Хотя исследователь здесь просто оговорился, но вряд ли серьезно погрешил против истины. Установление афинского контроля над этим крупным портовым городом во время Понтийской экспедиции Перикла более чем вероятно уже потому, что он являлся одним из важнейших транзитных пунктов афино-боспорской хлебной торговли (наряду с Амисом и Синопой). Лучшим тому подтверждением могут служить почетные декреты в честь Гераклида, хлеботорговца из кипрского Саламина, который в течение пяти лет продавал в Афинах пшеницу (надо думать, боспорскую) по низкой цене, за что получил проксению и был неоднократно увенчан золотым венком. Из наиболее ранней псефисмы (330/29 г.) следует, что его судно подверглось аресту в Гераклее Понтийской (где с него были сняты паруса), в связи с чем было решено отправить посла к Дионисию (гераклейскому тирану 337–305 гг.) с требованием «отдать паруса Гераклида и вообще не чинить обид плывущим в Афины» (см.: Максимова 1954, 55).

⁸³ Молев 1997, 56–57.

Сопоставление данного, пожалуй, совершенно бесспорного положения с фактом длительного существования тирании Спартокидов бок обок с анклавом афинской демократии (в Нимфее) вызывает закономерный вопрос. Что могло помешать Периклу в деле вовлечения в Архэ близлежащего Пантикапея по тому же «синопскому сценарию», т.е. посредством очищения города от тирании (притом, вероятно, установленной варваром⁸⁴), тем паче что для этого имелись едва ли не избыточные возможности? Правда, еще М. И. Ростовцев предположительно отнес на счет афинян совершенный здесь переворот Спартока⁸⁵. Но как резонно возразил А. А. Завойкин, «было бы понятно, если б они, как в Синопе, устранили тиранию; но не найдется примера, когда бы они одну тиранию заменили другой»⁸⁶. Причем отнюдь не в пользу этой идеи М. И. Ростовцева свидетельствует, в частности, нумизматический «изоляционизм» Пантикапея — как раз в «афинское» время (ок. 437–405 гг.) его монетная чеканка впервые демонстрирует приверженность верховному городскому культу (голова Аполлона и барана)⁸⁷, а главное — тогда же наблюдается предельно низкий уровень участия пантикапейского серебра в денежном обращении соседнего Нимфея⁸⁸. Все это позволяет отдать безусловный приоритет другому утверждению М. И. Ростовцева (на сей раз категорическому): «Нет и следов зависимости Пантикапея от Афин»⁸⁹.

Нелишне при этом обратить внимание на давно занимающий умы исследователей литературный феномен, которому трудно подобрать некое иное название, нежели информационная блокада Боспора в V в. Недоумение вызывает даже не столько чрезвычайная скудность сведений Геродота⁹⁰, сколько полное мол-

⁸⁴ Суриков 1999, 107. «Важно, что для самих древних Спартокиды были варварами... (Strabo. 3, 7, 8; Plut. De stoic. rep. 20, C–D; Adv. Stoic. 7). Попытка Блаватской... отвести это суждение, восходящее к стоику Хрисиппу, не к правителям из рода Левкона, а к подвластным ему династам племен была убедительно опровергнута Л. И. Грацианской...» (Шелов-Коведяев 1985, 85).

⁸⁵ Rostovtzeff 1932, 564. Любопытно, что эта давняя идея сравнительно недавно обрела как бы второе свое рождение (Анохин 1999, 33–36).

⁸⁶ Завойкин 2000, 258.

⁸⁷ Монеты типа «Аполлон — ПАНТ», по всем признакам, выпускались именно при Спартоке I (Мельников 2003, табл. I; Строкин 2007, 330 сл.), а вслед за ними — монеты с «головами Аполлона и барана» и с «головами льва и барана»; последние надежно датируются 4-ой четвертью V в. (Зогграф 1951, 167; Шелов 1956, 21). Как известно, культ Аполлона не входил в число главных афинских культов, да, пожалуй, и не мог, поскольку ему присущи вполне определенные аристократические черты (Блаватская 1959, 64).

⁸⁸ Об этом наглядно свидетельствуют собранные О. Н. Мельниковым сведения (Мельников 2001, 415; 2003, 7): доля участия в денежном обращении Нимфея как своих монет (NYN, ΣΑΜΜΑ), так и таманских монет с легендой ΑΠΟΛ по меньшей мере вдвое превышает долю синхронных им пантикапейских. Причем не исключено, что и те могли попасть в город после поглощения его Боспором в конце V в. Исходя из того, что в «афинское время» монетный двор Пантикапея перерабатывал лаврийское серебро (Смекалова, Дюков 1999, 205), можно заключить, что город осуществлял торговые операции с афинянами либо опосредованно (к примеру, через Тамань), либо в неких приграничных с Нимфейским полисом пунктах. Что до весьма ощутимого присутствия в Нимфее таманского серебра, то в этом факте, пожалуй, можно усматривать результат активной посреднической деятельности местных купцов на Тамани.

⁸⁹ Ростовцев 1918, 66.

⁹⁰ Поскольку здесь может напрочь отсутствовать какая бы то ни было политическая подоплека. И всё же давно замечено, что «у Геродота проявляется определенная тенденция...если речь шла о таких предметах, о которых «отец истории» не имел желания сообщать несогласные с его установками подробности, он охотно прибегал к умолчанию. В этом его упрекал еще Плутарх — Plut. De Herod. Malign., IV» (Карышковский 1959, 83, прим. 147), а также Дион Хрисостом (Or. XXXVII. 7).

чание Фукидида. Впрочем, И. Е. Суриков, казалось бы, вполне резонно полагает, что, Фукидид «отнюдь не задавался целью описать все важнейшие события Пентеконтаэтии»⁹¹, а по мнению И. Б. Брашинского, не придавал особого значения Понтийской экспедиции Перикла⁹². Ну а как в таком случае быть с тем, что Фукидид, будучи современником Перикла, оставил весьма подробное описание его деятельности, а подчас уделял внимание даже таким малозначительным эпизодам, какими, к примеру, являются похождения небольшого отряда Ламаха под Гераклеей Понтийской (Thuc. IV. 75)? А ведь на этом фоне уже сам факт отсутствия литературной реакции на действия Перикла в Понте вообще и на Боспоре в частности поневоле заставляет прислушаться к мнению Т. В. Блаватской, которой такое молчание представляется далеко неслучайным и во многом обусловленным существованием «значительных разногласий между Боспором и Афинами»⁹³.

Что касается Плутарха, то он, как известно, «принципиально высказывался против того, чтобы сообщать читателям «бесполезные подробности»... «бесполезным» же было для Плутарха всё то, что не имело морально-дидактического характера»⁹⁴. А в качестве иллюстрации П. О. Карышковский задает риторический вопрос (тождественный выводу И. Е. Сурикова⁹⁵): «...что могло лучше охарактеризовать деятельность Перикла в глазах греческого читателя, как не сообщение об освобождении греческого города от тирана?»⁹⁶. Но в таком случае уместно задать и прямой вопрос: почему Плутарх ограничился только этим примером? Тем паче, что его нельзя назвать удачным, поскольку избавление Синопы от тирании следует скорее относить на счет Ламаха, а отсутствие других примеров невозможно списать на существование проафински настроенных режимов во всех прочих суммарно упомянутых городах. Причем ясности сюда, похоже, неспособна внести даже поправка на то, что Плутарх, по всей видимости, рассматривал черноморскую экспедицию в качестве военной кампании Афин против Понтийского царства — не исключено, что и первоисточник также не содержал никаких иных батальных сцен, кроме синопской. Как бы то ни было, но данное сообщение следует скорее понимать в том смысле, что нигде более афиняне не встретились

К слову сказать, вне «фигуры умолчания» остается без вразумительного объяснения, как минимум, то, что при описании скифского похода Дария I Гистаспа и самой Скифии Геродот уделил значительное внимание Колхиде и району р. Термодонт (хотя эти места не имели ни малейшего касательства к теме его сочинения), тогда как о смежном со Скифией боспорском регионе упомянул лишь вскользь и настолько невнятно, что создается впечатление, будто в его времена это был еще совершенно необжитый греками район, населенный исключительно скифами и синдами (Herod. IV. 28, 100). Это тем более странно, поскольку Геродот не мог не знать, что уже тогда боспорский конгломерат греческих городов был крупнейшим в Понте (Виноградов 2000, 98–99), а, по мнению Б. А. Рыбакова, «отец истории» лично прошел на судне вдоль Боспора на пути в меотийские Кремны, где «В последний раз мы ощущаем... “эффект присутствия” Геродота в описываемых им местах» (Рыбаков 1979, 45).

⁹¹ Суриков 1999, 100, 101.

⁹² Брашинский 1958, 111. Однако здесь же вынужден признать, что ее результаты «имели перво-степенное значение для Афинского государства», и подкрепляет данный тезис соображениями о привлечении Периклом к операциям в Черном море свыше двухсот военных кораблей (113, прим. 13).

⁹³ Блаватская 1959, 58.

⁹⁴ Карышковский 1959, 72.

⁹⁵ «...эпизод с Тимесилеем введен в повествование с несомненной целью оттенить антитиранические черты политики Перикла» (Суриков 1999, 99).

⁹⁶ Карышковский 1959, 74.

со сколько-нибудь серьезным сопротивлением⁹⁷. И если это действительно так, то, сопоставляя эту донельзя парадоксальную ситуацию с фактом существования при афинянах тирании Спартокидов, невольно закрадывается мысль: а не имеем ли мы здесь дело именно с тем редким случаем, когда «гора родила мышь»? Иначе говоря, результаты Понтийской экспедиции могли оказаться таковыми, что не шли ни в какое сравнение с теми огромными финансовыми издержками, которые понесли Афины на ее подготовку и проведение, не говоря уже о возлагавшихся на нее, надо полагать, больших ожиданиях. И очень может быть, что эпизодом с изгнанием Тимесилея не только начинается, но и, по большому счету, исчерпывается список сколько-нибудь значимых деяний Перикла в Понте, что, собственно, и вынудило Плутарха (а возможно, и его информатора) ограничиться лишь туманной апологетической риторикой. Если же согласиться с такой оценкой, то отсюда — один шаг к признанию того, что пришельцев из Аттики на Боспоре поджидало некое препятствие, оказавшееся для них не только непреодолимым, но совершенно неожиданным и обескураживающим. Для прояснения этой загадочной ситуации, пожалуй, имеет смысл обратиться к списку боспорских городов, входивших в состав I Афинского морского союза.

Итак, членство Нимфея установлено вполне надежно, причем едва ли не то же самое можно сказать и в отношении восточно-крымского Ким[мерика], а также Феодосии (см. выше). Если принять восстановление «Пат[унт]» (Патус / Баты) — поселение в Цемесской бухте (Новороссийск)⁹⁸ — и допустить, что в трибунных списках 425/4 г. фигурирует не боспорская Г[ермонасса], а южнопонтийская (неподалеку от Трапезунта)⁹⁹ или же Гермонакта (близ Тиры)¹⁰⁰, то перед нами предстает следующая и, надо сказать, весьма неожиданная картина: афинянам не удалось проникнуть в зону Керченского пролива (включая Таманский залив) и поэтому пришлось довольствоваться малым — обложить своими базами лишь черноморское побережье боспорского региона¹⁰¹. В самом деле, ведь если

⁹⁷ По мнению Ф.В. Шелова-Коведяева, Нимфей добровольно вошел в Архэ, поскольку имел «серьезные причины опасаться соседства одновременно скифов и Боспора» (Шелов-Коведяев 1985, 103), а вернее Пантикапея. Причем едва ли не то же самое можно сказать и в отношении Феодосии, окруженной теми же скифами и воинственными таврами.

⁹⁸ Блаватский 1954, 27; Молев 1997, 56, 71, прим. 29.

⁹⁹ См.: Суриков 2012, 465.

¹⁰⁰ См. Яйленко 1982, 274.

¹⁰¹ Если это действительно так, то существенно укрепляется предположение о тождестве предгоргии и Стратоклеи (см. выше). К слову сказать, доминирующее в историографии мнение о том, что, Синдская Гавань была предшественницей Горгии, вызывает серьезные возражения (Строкин 2008, 437 сл.), которые можно резюмировать так. Совершенно непонятно, почему сообщение одного позднего автора (Ps.-Ag. PPE 62–64, 74) в глазах исследователей перевешивает сообщения двух более ранних (Ps.-Scymn 886–889; Strabo XI. 2. 14), взятых из независимых источников? Кроме того, информация Анонима внутренне противоречива — он локализует Синдскую Гавань на одном острове с Фанагорией и Гермонассой, тогда как приводимые им цифровые данные указывают на район Анапы. Горгия же при этом не упоминается, что, в общем-то, не удивительно, так как во времена Пс.-Арриана (V в. н. э.) город уже давно лежал в руинах — он был окончательно разгромлен «сразу после 239 г.» (Алексеева 1997, 76). Отсюда следует, что в последнем случае Пс.-Арриан локализует Синдскую Гавань на пустом месте. Наконец, излишне доказывать, что город с таким красноречивым названием был основан на берегу естественного закрытого водоема, пригодного для стоянки судов. Тогда как в Анапе ничего похожего нет — главным бухтообразующим элементом ее гавани является мол новейшего времени. Хотя некие портовые сооружения наверняка существовали здесь и в древности — ближайший пример дает гавань Феодосии (кстати, значитель-

допустить обратное и согласиться с тем, что в списках фороса значится таманский Киммерий / Киммерида, локализуемый на выходе из пролива в Азовское море (Ps.-Skymn. 896–899; Strabo. XI. 2. 4), а также Патрей и Гермонасса, находившиеся в бассейне Таманского залива (Strabo. XI. 2. 8, 10; Ps.-Arr. PPE. 64), как тотчас встает вопрос: что могло помешать всемогущим афинянам прибрать к рукам Пантикапей и прочие города, расположенные в непосредственной близости от только что названных? Поскольку же он очевидным образом остается без вразумительных объяснений, то следует скорее думать, что Периклу (равно как и его ближайшим преемникам) не удалось ни развязать, ни разрубить боспорский «Гордиев узел»¹⁰². Причем при любых теоретически возможных вариантах трактовки этой загадочной ситуации с полной уверенностью можно говорить, пожалуй, лишь о том, что с прибытием к берегам Боспора военно-морской эскадры Афин здесь сформировался устойчивый баланс сил, просуществовавший до конца Пелопоннесской войны. В данных условиях, казалось бы, выдвигается на передний план версия В.Д. Блаватского, согласно которой в вооруженном противостоянии афинян со Спартокидами последние выступали в коалиции с местными номадами¹⁰³. Думается, однако, что этого было всё же недостаточно для достижения искомого баланса сил. Ведь если б афиняне, высадившись в гавани Пантикапея, сходу стали бы штурмовать акрополь, то местным властям пришлось бы всерьез рассчитывать, пожалуй, лишь на собственные силы — о применении знаменитой скифской конницы (считавшейся тогда непобедимой — Herod. IV. 46) в стесненных городских условиях не могло быть и речи. Поскольку же вышеупомянутый факт остается фактом, то в ситуации острого дефицита источников приходится лишь теряться в догадках и выдвигать более или менее вероятные гипотезы. Но коль скоро иного не дано, то рискну предложить свою.

Думается, что перед лицом смертельной опасности, нависшей над пантикапейской тиранией, Спарток мог поступить именно так, как действовали русские моряки при обороне Севастополя в сентябре 1854 г., столкнувшись с превосходящим его не менее широко распахнутой в море), где найдены остатки античного Г-образного мола (Колли 1909, 125 сл.), — но даже это не меняет сути дела: естественной гавани нет ни в самой Анапе, ни в ее ближайших окрестностях.

¹⁰² К такому же выводу приводят и результаты исследований некрополей боспорских городов. На основании присутствия в некрополе Нимфея последней трети V в. обряда кремации (ок. 19 % погребений), ближайшую аналогию которому дает Атика, В.А. Анохин заключает, что в город была выведена афинская клерухия (Анохин 1999, 32). Примечательно, что в курганном некрополе Феодосии конца V — первой четверти IV вв. кремированные погребения преобладают над всеми прочими (Тункина 2011, 197 сл.), притом, что они не зафиксированы на Тамани (Кастанаян 1959, 290, 293). Любопытно, что обряд кремации изредка встречается в хорошо исследованном некрополе Пантикапея (6 погребений) (там же, 260, 261), а также в некрополе пред-Горгиппии (Алексеева 1997, 21); правда, последний находится в черте Анапы и поэтому исследован крайне фрагментарно, а кремированные погребения Пантикапея находят ближайшие ритуальные аналогии на о. Фера (Кастанаян 1959, 274).

¹⁰³ Весьма симптоматичен и тот факт, что оба региональных союзника афинян — Нимфей и Феодосия, — чеканили при них серебро в заведомо неаттической монетной системе (эгинской или персидской — не суть важно), объявленной вне закона вышеупомянутым Афинским ММД. Такое положение вещей может объясняться, пожалуй, только тем, что крупнейшие боспорские полисы-эмитенты (Аполлония и Пантикапей) были неподконтрольны афинянам, отчего последние и сочли за благо сделать исключение для своих боспорских союзников, дабы не вносить метрологический хаос в давно сформировавшуюся здесь монолитную денежную среду (Строкин 2009а, 159).

¹⁰³ Блаватский 1954, 43–44.

дящими силами англо-французского флота¹⁰⁴: направить находившиеся в гавани Пантикапея суда к северо-западной оконечности косы Тузла и, выстроив их в цепь поперек фарватера, затопить.

В принципиальной осуществимости такого способа блокады Керченского пролива несложно убедиться, если принять во внимание следующие обстоятельства. Названная коса является единственной аккумулятивной формой, расположенной поперек пролива, и вследствие интенсивного воздействия Черного моря постоянно «мигрирует» в северном направлении¹⁰⁵, а значит, в V в. находилась где-то между Тиритакой и Нимфеем (рис. 2). Если также учесть, что фанагорийская регрессия достигла своего максимума как раз в середине I тыс. до н.э. и уровень Черного моря был тогда на 5–6 м ниже современного¹⁰⁶, то отсюда следует, что во времена Перикла судоходный фарватер в районе косы Тузла был несоизмеримо уже нынешнего¹⁰⁷ и таким образом возможность осуществления указанного способа блокады пролива становится вполне реальной. Разумеется, неотъемлемым звеном этой гипотетической реконструкции является то, что прибытие афинского флота к берегам Боспора не явилось для Пантикапея полной неожиданностью.

Здесь уместно обозначить еще одно принципиально важное и, пожалуй, совершенно неизбежное положение: планы действий Перикла в Понте были широко известны, причем не только в Аттике, но и далеко за ее пределами, да и сам Перикл, похоже, был весьма далек от мысли хранить их в секрете — это делала практически невозможным сама природа демократического общества, а совершенно излишним — мощь ведомого им флота, способного смести любые преграды на своем пути. Причем в обстановке полного информационного вакуума, которым окружена смена власти в Пантикапее (Diod. XII. 31. 1), данное обстоятельство — и это следует подчеркнуть — работает только на одну из имеющихся версий: переворот Спартока явился непосредственной ответной реакцией на агрессивные действия афинян в регионе. Не подлежит сомнению, что вести о приближении к берегам Боспора крупной эскадры противника способны посеять панику во властной элите Пантикапея — ввергнуть в смятение одну ее часть и спровоцировать другую на самые решительные действия¹⁰⁸. Таким образом, создавшаяся здесь чрезвычайная ситуация неизбежно содействовала резкому обострению борьбы

¹⁰⁴ Тарле 1950, 135–137.

¹⁰⁵ Шелов-Коведяев 1985, 35.

¹⁰⁶ Шелов-Коведяев 1985, 29; Болиховская и др. 2002, 268.

¹⁰⁷ «На северо-запад от острова Тузла на 3,7 км тянется искусственная каменная гряда, которая суживает ширину судоходной части Керченского пролива до 750 м. Кроме этого, остров практически со всех сторон окружают песчаные отмели, поверхность которых находится на глубинах от 1,8 до 3,8 м» (Горлов 2008, 430). По сведениям карты Главного управления навигации и океанографии МОРФ № 35130 от 12.02.2000 г., глубина пролива в районе о. Тузла не превышает 5,9 м (кроме периодически углубляемого фарватера: 9,4 м при ширине 120 м). Таким образом, становится ясно, что в обозреваемое время подавляющая часть Керченского пролива в указанном месте представляла собой либо сушу, либо заведомо непроходимое мелководье (особенно для мощных килевых триер афинян). Весьма показательным в этом плане сообщение Полибия (IV. 39. 3; 40. 8): называя Боспор Киммерийский мелководным проливом, он добавляет, что плавание по нему и Меотиде крупных судов невозможно без лоцмана; о значительных трудностях плавания в этих местах сообщает также Аристотель (Meteor. I. 14. 29).

¹⁰⁸ Даже такой «закоренелый скептик», как И. Б. Брашинский, полагал, что «уже самый факт пребывания афинского флота в Понте Евксинском мог привести к серьезному политическому кризису на Боспоре» (Брашинский 1958, 120).

между различными политическими группировками, а главное — консолидации всех антиафинских сил, включая местных племенных вождей (ввиду проводимого Периклом курса на борьбу с туземцами — Plut. Per. XX), что в конечном итоге привело к свержению Археанактидов (по всей вероятности, склонных сдать город без боя¹⁰⁹). Все это позволяет решительно встать на сторону тех исследователей, которые датируют анализируемую экспедицию 437 г. и усматривают наличие прямой взаимосвязи между нею и переворотом Спартока¹¹⁰.

Рис. 2. Реконструкция района Керченского пролива в V в. до н. э.
Пунктиром обозначено вероятное местоположение косы Тузла.
х — место сооружения предполагаемой дамбы.

Подводя итоги, следует еще раз отметить главное. Думается, что предложенный поворот событий мог явиться именно тем решившим исход всего дела обстоятельством, которое вынудило Перикла отказаться от планов по силовому вовлечению в Архэ Пантикапея, Аполлонии и ряда других боспорских городов — проведение крупных сухопутных операций (в чем, как известно, афиняне не были

¹⁰⁹ «Видимо, столкнулись две партии: одна, ориентированная на афинян, другая — на местные племена. Победа второй привела к свержению Археанактидов и установлению власти Спартока» (Блаватский 1954, 44). Такой вывод представляется вполне закономерным ввиду того, что, с одной стороны, ряд историков склонны видеть в ярых противниках Спартокидов, укрывшихся в Феодосии (Isocr. XVII. 3; Ps.-Agt. PPE. 77), представителей династии Археанактидов (см.: Завойкин 2004б, 64), а с другой — Феодосия в это время, скорее всего, входила в орбиту влияния Афин (Шелов 1956, 41).

¹¹⁰ Ростовцев 1918, 67; Каллистов 1949, 218; Блаватский 1954, 43–44; Шелов-Коведяев 1985, 86; Масленников 1996, 67; Анохин 1999, 27–28.

сильны) вдали от родины и притом на обеих сторонах Керченского пролива сулило неясные перспективы и грозило затянуться на неопределенное время. Таким образом, данную военно-морскую акцию Афин нельзя признать в полной мере успешной. И хотя Периклу, вне всяких сомнений, удалось наладить надежный боспоро-афинский транспортный канал, однако другая и притом не менее важная задача, связанная с насущной необходимостью тотального вовлечения в Архэ боспорских полисов (дабы получать львиную долю производимых ими сельхозпродуктов в счет погашения общесоюзного налога, т.е. совершенно бесплатно) была решена далеко не в полной мере, поскольку нет ни малейших сомнений в том, что основную массу местного товарного хлеба афинянам приходилось закупать по рыночным ценам (во многом продиктованным его производителями и реэкспортерами).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. М.* 1997: Античный город Горгиппия. М.
- Андреев В. Н.* 1983: Аграрные отношения в Аттике в V–IV вв. до н.э. // АГ. 1, 247–326.
- Андреев Ю. В.* 1983: Спарта как тип полиса // АГ. 1, 194–216.
- Анохин В. А.* 1986: Монетное дело Боспора. Киев.
- Анохин В. А.* 1989: Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Анохин В. А.* 1999: История Боспора Киммерийского. Киев.
- Блаватская Т. В.* 1959: Очерки политической истории Боспора V–IV вв. до н.э. М.
- Блаватский В. Д.* 1954: Архаический Боспор // МИА. 33, 7–44.
- Болиховская Н. С., Горлов Ю. В., Кайтамба М. Д., Мюллер К., Поротов А. В., Парушин О. Б., Фуаш Э.* 2002: Изменение ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6000 лет // ПИФК. XII, 257–271.
- Брашинский И. Б.* 1958: Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. 3, 110–120.
- Брашинский И. Б.* 1984: Торговля // АГСП, 174–186.
- Васильев А. Н.* 1992: К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб, 111–128.
- Виноградов Ю. Г.* 1989: Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-географическое исследование. М.
- Виноградов Ю. А.* 2000: Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus. 3, 98–128.
- Высокий М. Ф.* 2004: Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // ПИФК. XIV, 399–424.
- Гаврилов О. В.* 1998: Нові дані про сільську округу античної Феодосії // Археологія. 1, 110–123.
- Гайдукевич В. Ф.* 1949: Боспорское царство. М.; Л.
- Горлов Ю. В.* 2008: Географическая ситуация на Таманском полуострове во второй половине голоцена // ПИФК. XXI, 415–436.
- Жебелев С. А.* 1953: Афины, Нимфей и измена Гилона // СП. 34, 180–195.
- Завойкин А. А.* 1995: О времени автономной чеканки Фанагории // БС. 6, 89–92.
- Завойкин А. А.* 1998: Синдская Гавань (Синдик) — Горгиппия // ВДИ. 3, 134–145.
- Завойкин А. А.* 2000: Афины — Боспор — Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) // Международные отношения и дипломатия в античности. Казань, 249–268.
- Завойкин А. А.* 2004а: Фанагория во второй половине V — начале IV вв. до н.э. // ДБ. Suppl. I.

- Завойкин А. А.* 2004б: Краткий очерк истории Боспора VI — первой четверти III вв. до н.э. // ПИФК. XIV, 58–93.
- Зельин К. К.* 1964: Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. М.
- Зограф А. Н.* 1954: Античные монеты // МИА. 16. М.
- Каллистов Д. П.* 1949: Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л.
- Каменецкий И. С.* 1999: Греки и меоты // БФ, 234–239.
- Карышковский П. О.* 1959: Ольвия и Афинский союз // МАПП. III, 57–100.
- Карышковский П. О.* 1988: Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев.
- Кастанаян Е. Г.* 1959: Грунтовые некрополи боспорских городов // МИА. 69, 257–295.
- Колли Л.* 1909: Следы древней культуры на дне морском // ИТУАК. 43.
- Кондратьев М. В.* 1983: Архэ и афинская демократия // Античная Греция. 1, 327–365.
- Коваленко С. А., Толстиков В. П.* 2010а: О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 3, 31–59.
- Коваленко С. А., Толстиков В. П.* 2010б: О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 4, 23–50.
- Кузнецов В. Д.* 2000: Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 1, 107–120.
- Максимова М. И.* 1954: Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // МИА. 33, 45–57.
- Малышев А. А.* 2000: Боспор и Прикубанье во второй половине V — середине III вв. до н.э. // ДБ. 3, 104–130.
- Масленников А. А.* 1996: Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // ПИФК. III, 61–71.
- Мельников О. Н.* 2001: Нимфей, скифский вождь Саммак и измена Гилона // МАИЭТ. VIII, 410–427.
- Мельников О. Н.* 2003: Мельников О. Н. Боспорская государственность VI–начала IV вв. до н.э. по данным нумизматики // IV Боспорские чтения. Керчь, 174–183.
- Молев Е. А.* 1997: Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Н. Новгород.
- Паршиков А. Е.* 1969: О статусе афинских колоний в V в. до н.э. // ВДИ. 2, 5–31.
- Розов В. Н.* 2012: К находке монеты Фокеи в Восточном Крыму // ДБ. 16, 299–306.
- Ростовцев М. И.* 1918: Эллинство и иранство на юге России. Пг.
- Ростовцев М. И.* 1925: Скифия и Боспор. Л.
- Рыбаков Б. А.* 1979: Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М.
- Сапрыкин С. Ю.* 1986: Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.
- Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л.* 1999: О смене источников серебра для монетной чеканки Боспора VI–V вв. до н.э. // ДБ. 2, 203–212.
- Столба В. Ф.* 1989: Монеты Нимфея в системе боспорской чеканки второй пол. V в. до н.э. // Скифия и Боспор, 48–51.
- Стрелков А. В.* 1999: Афинский монетный декрет // НЭ. XVI, 25–47.
- Строкин В. Л.* 2008: «Синдская гавань и [одноименный] город» (Strabo. XI. 2. 14) // ПИФК. XXI, 437–458.
- Строкин В. Л.* 2009а: Монеты с легендой NYN: хронология чеканки // ПИФК. 1, 151–168.
- Строкин В. Л.* 2009б: Нимфей — Самма(?) — Нимфей // ДБ. 13, 359–392.
- Строкин В. Л.* 2011: Афинский след в монетном деле Феодосии // ПИФК. 1, 37–52.
- Суриков И. Е.* 1999: Историко-географические проблемы Понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 2, 98–113.
- Суриков И. Е.* 2000: По поводу древнегреческих монет с легендой ΣΑΜΜΑ // ВНК. VIII, 6–7.

- Суриков И. Е. 2001: Нумизматическое свидетельство о самосской колонизации Причерноморья? // ПИФК. 10, 90–97.
- Суриков И. Е. 2012: Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // ДБ. 16, 440–469.
- Тарле Е. В. 1950: Крымская война. Т. 2. М.; Л.
- Терещенко А. Е. 2004: Автономная чеканка Боспора Киммерийского VI–V вв. до н.э.: дисс. канд.ист.наук. СПб.
- Тункина И. В. 2011: К вопросу о греческом характере курганного некрополя Феодосии (по материалам раскопок 1851–1852 гг.) // БФ, 197–202.
- Улитин В. В. 2011: Упадок греко-меотской торговли в первой половине III в. до н.э. и начало заката боспорского хлебного экспорта // БФ. Население, языки, контакты, 282–287.
- Шамба С. М. 1982: О чем говорят монеты. Сухуми.
- Шелов Д. Б. 1956: Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 1985: История Боспора VI–IV вв. до н.э. // ДГ СССР, 5–187.
- Яйленко В. П. 1982: Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М.
- ATL I = Meritt B. D., Wade-Gery H. T., Mc.Gregor M. F. 1939: The Athenian Tribute Lists. Vol. I. Cambridge (USA).
- ATL II = Meritt B. D., Wade-Gery H. T., Mc.Gregor M. F. 1949: The Athenian Tribute Lists. Vol. II. Princeton.
- ATL 3 = Meritt B. D., Wade-Gery H. T., Mc.Gregor M. F. 1950: The Athenian Tribute Lists. Vol. III. Princeton.
- Rosivach V.J. 2000: Same Econome Aspects of the Fourth - Century Athenian Market in Grain //Chiron. Band 30. München.
- Rostovtzeff M. 1932: The Bosporan Kingdom. САH. VIII.
- Rühl F. 1868: Über die Quellen des Plutarchs für das Leben des Perikles. Neue Jahrbücher f. Phil. Lpz.
- Sarpaki A. 1992: The Palaeoethnobotanical Approach. The Mediterranean Triad or Is It a Quartet ? // Agriculture in Ancient Greec. Acta instituti Atheniensis regni sueciae, series in 4. Stockholm.
- SNG. 1993: Sylloge numorum graecorum. Volume IX. Part 1. The Black sea. London.
- SNG. 2000: The William Stancomb collection of coins of the Black sea region. The British Academy. Vol. XI. Oxford.
- Tsetskhladze G. R. 2008: “Grain for Athens”. The view from the Black Sea // Feeding the ancient Greek city. MA, 47–62.

PERICLES AND THE BOSPORAN “GORDIAN KNOT”

V. L. Strokin

Proceeding from the dominant opinion that the chief goal of Pericles' Pontic expedition was the food problem in Attica, and the terms Pontus and Bosporus were used as synonyms in Athenian sources of the 4th century BC, the author of the article puts forward the following interpretation of Plutarch account of the expedition (Plut. Per. 20). Commenting his passage the author proposes the following route of Pericles expedition: Athens–Cimmerian Bosporus–Sinope–thens. It is also suggested that Spartok I reacted to Athenian military action of the 437 BC with a coup in Panticapeum, and then he blocked Kerch strait near Tuzla with sunken ships. The hypothesis explains why Panticapeum and other towns in the vicinity of Kerch strait and Taman bay were not incorporated into the First Athens Sea Union.

Key words: Bosporus Cimmerian, Athens, Pericles